

Густая чернота июньского неба застыла над уснувшим городом, лишь в зените, на тёмном бархате беззвездья, сиял холодный лунный диск. А на городской окраине, в гарнизонном карауле – в воинской части, от которой он наряжался, его шуточно прозвали «отрезанным ломтем», – шла и уже заканчивалась смена часовых.

– Рядовой Макаров, с поста шагом марш, – привычно скомандовал разводящий ефрейтор и покосился на светящийся циферблат наручных часов: 23.15.

Рядовой Макаров устало, но с чувством удовлетворения – своё отстоял честно – пристроился в затылок свободному караульному. Второй, временно наблюдавший за постом караульный, самостоятельно занял место впереди сослуживца. Разводящий возглавил мини-колонну и завершил смену постов командой:

– За мной шагом марш!

Силуэты уходящих солдат ещё с полминуты были видны новоиспечённому часовому, рядовому Панкратову. В слепящем свете предателя-прожектора, на автомате за квадратной спиной рядового Макарова, замыкавшего колонну уходящих солдат, как бы подбадривая на прощанье, ртутно сверкнул кончик полированного штык-ножа. Людские фигуры без остатка проглотила пугающая темнота.

А Панкратов остался на малознакомом посту. Один. Ночью. Впервые. Впрочем – с заряженным автоматом, что немного успокаивало.

Сразу же в мир вокруг часового пугающе ворвалось множество звуков, которых Панкратов до этого просто не замечал. Да, он легко угадал стрекочущее пиликанье кузнечиков. Но кому принадлежит трещанье, вроде пощелкивания крутящегося электросчётчика?

Вот цвиркнула птаха. Вот невдалеке проехал автомобиль. Вот экономно гавкнул мучимый бессонницей бродяга-пёс. Сзади, вблизи поста, тихо журчала обмелевшая речушка.

Однако к понятным звукам добавлялись и непонятные: слабые постукивания в листве деревьев, хрусты и шорохи в кустах за линией внешнего ограждения, оттуда же послышалось было что-то вроде приглушенного стога.

Гнетущее беспокойство навалилось на часового, так пока и топтавшегося на одном месте.

«Может, позвонить начальнику караула? – подумал и взглянул

на телефонную трубку, болтавшуюся на поясном ремне, Панкратов. – И... что? Пожаловаться, мол, страшно? Спокойно-спокойно...».

Солдат, наконец, осторожными шагами пошёл по маршруту: двигаясь меж внешним и внутренним ограждением, мимо ламп и прожекторов, укреплённых на столбиках над наружным рядом «колючки», опоясывающей пост. А за её внутренним рядом находилось с десятков сложенных из жёлтого пилёного камня-ракушечника складов с военным имуществом – суть охраняемые объекты.

Через каждые шесть-восемь шагов Панкратов оглядывался назад, сжимая ладонями автомат – левой за металлический магазин с тридцатью боевыми патронами, правой – за шейку приклада. Почти не ощущая тяжести личного оружия, часовой нёс его с величайшей осторожностью, на чуть вытянутых перед собой руках, словно автомат был сработан из хрупкого хрусталя. Порой солдат поглядывал на брезентовый подсумок у пояса, где был спрятан запасной магазин, так же таящий в изогнутом чреве три десятка свинцовых смертей, но в основном, конечно, всматривался в сливающуюся с ночью полосу кустов за внешним рядом колючей проволоки.

Мягко ступая подошвами кирзовых сапог по выщербленной местами кирпичной дорожке, часовой не подозревал, что под верхним слоем кирпичей лежит их почти метровая толща. Круглогодично утаптываемые сапогами солдат кирпичи по сотым долям миллиметра вминались в почву, и через три-четыре года требовалось настилать новый слой уходящей ниже уровня земли дорожки.

«Да, в караулке было куда спокойнее, – сами собой лезли в голову Панкратову боязливые мысли. – В случае чего – толпа народу рядом, начкар... А здесь – здесь, в случае чего, самому обороняться придётся. Пока-то они прибегут... Да и прибегут ли...».

От такого вывода Панкратова передернуло: вновь пытался взять верх над сознанием обычный человеческий страх перед неизвестностью, но часовой, зажмурив на секунду глаза, мотнул головой, как бы изгоняя неположенные на посту панические мысли, и ритмично, в такт шагам поводя дулом автомата влево-вперёд, продолжил путь по мощёной дорожке с блестящими кое-где на ней под прожекторами соломинками сухой травы.

Идти хотелось и быстро, и медленно. Быстро – так как солдат опасался, что пока он будет находиться на одном конце маршрута поста, как бы с другой его стороны в глубь объекта не

проник нарушитель. А медленно – поскольку Панкратов старался досконально изучить охраняемую территорию, сжиться с постом. Ведь до заступления на смену – впервые и сразу в ночь – рядовой лишь поверхностно ознакомился с местом будущего выполнения боевой задачи, когда весь взвод приезжал сюда с неделю назад и солдаты быстренько прошли по всему периметру «колючки».

Бдеть службу, в компании с автоматом, предстояло томительных два часа. Плюс-минус десять минут – допуск зависел от расторопности разводящего, да ещё от того, какой пост он решит сменить первым. И как же до тоски остро чувствовал сейчас часовой томительную бесконечность этих пугающих грядущими опасностями часов!

Меж тем Панкратов уже дошёл до постового грибка, напоминающего грибок песочницы во дворе далёкого родительского дома. Только четырёхскатная крыша постового грибка не была расписана под мухомор, но заботливо обита рубероидом с посыпкой, а на ножке-столбике висело устройство для связи и сигнализации с караулкой – в металлическом ящике с откидной крышкой на рояльной петле пряталась красная кнопка звонка и гнездо для подключения телефонной трубки.

«Бесплатный телефон-автомат, – мысленно усмехнулся часовой. – Однако и звонит только одному абоненту...».

Но связываться с начальником караула Панкратов не стал. Чувствовал, что получаса от начала патрулирования, когда положено делать первый звонок, ещё не прошло...

«Сколько же сейчас точно времени? – Мучительно прикидывал часовой, минуя постовой грибок. – Вот же сволочь взводный...».

(«Сволочь-взводный», полагаясь на свою практику службы, в приказном порядке заставил всех солдат, имевших наручные часы, сдать их на время боевого дежурства старшине роты. По мнению офицера, с хронометром на руке для любого часового смена на посту как бы растягивается. Не говоря уже о том, что часы – это сильный отвлекающий от службы фактор...).

Крик птицы, похоже, совы – заставил часового приостановиться и вздрогнуть. Погрозив кулаком в высоту, Панкратов пошёл дальше и вскоре дошагал до металлической таблички, приваренной к ножке-арматурине, воткнутой в землю. «Начало маршрута движения» – сообщала табличка. Скользя взглядом по красным, на голубом фоне, буквам, солдат настороженно направил дуло автомата вниз, уткнув его в открытый рядом с табличкой маленький окоп. Панкратов внимательно взгляделся в его метровую глубину – вдруг оттуда

высочит притаившийся нарушитель.

Окоп оказался пуст. Испытав чувство разочарования-облегчения, часовой зашагал по кирпичной дорожке в обратную сторону.

Неделю назад, при осмотре постов взводом, глазастый Стрельцов из первого отделения именно в этом окопчике углядел предательские следы «отправления естественных надобностей», замаскированные сломанной веткой с уже повядшими листочками. Вот тебе и исполнение на деле статьи устава «что запрещается часовому...»

Неожиданно для себя Панкратов вдруг принялся цитировать в уме упомянутую статью, от неё перешёл к другой, разъясняющей «неприкосновенность часового», на третьем пункте которой обычно при опросах ошибался. На этот раз мысленно добрался до конца благополучно, без запинок, с удивлением обнаружив, что служба на посту обостряет не только внимание, а и память.

А дальше память сделала своего рода пируэт от уставных строк к неуставной присказке, рассказанной сержантом на самоподготовке:

Часовой есть вооруженный труп,
Обернутый в тулуп,
Выставленный на мороз,
Заинструктированный до слёз,
По сторонам следящий,
Не идёт ли разводящий.

Губы у Панкратова сами собой растянулись в улыбке, и тут – что-то чёрное, страшное вылетело перед часовым из листвы. Сверкнув глазами, «что-то» шумно взмыло вверх чуть ли не перед самым носом перетрусившего солдата, судорожно дёргавшего рукоятку затвора, забыв снять автомат с предохранителя. Сердце человеческое забилося чаще и громче, ватные ноги онемели.

На третьей безуспешной попытке взвести затвор Панкратов понял, что его напугала сова, – возможно, та самая, которая раньше ухала с высоты.

«Нет худа без добра, – рассудил часовой, бережно погладив флажок неснятого предохранителя. – А то бы пальнул очередью... Только не в белый свет, а в тёмную ночь, попусту...»

Продолжая идти по кирпичной дорожке, рядовой, едва ли не в первый раз за время пребывания на посту, взглянул на небо и очень удивился: оказывается, оно в беззвёздную ночь может быть не

чёрным, а густо-синим...

Шаги часового стали более спокойными, хотя глаза не менее внимательно обшаривали местность за внешней «коллочкой». Панкратов прошёл уже, возвращаясь, место, откуда начинал патрулирование, приближаясь теперь к сварному громоотводу, похожему на Эйфелеву башню в миниатюре.

Во время осмотра постов неделю назад, вместе с комвзвода, офицеру неожиданно задал вопрос рядовой Вьюнов, больше известный в роте, как Конь с биноклем. Этому прозвищу он был обязан очками и вытянутой, сильно напоминающей лошадиную физиономией. Впрочем, в солдатской среде многие имеют прозвища: самому Панкратову ещё во время первой помывки в армейской бане прилепили богатое «погоняло» Метилоранж – из-за рыжего цвета волос. А вопрос был следующим:

– Товарищ капитан, смотрите, на табличке написано, что при грозе к громоотводу ближе пятнадцати метров подходить нельзя, а как же тогда патрулировать, если он сам почти на маршруте? За ограждение вылезать при обходе, что ли?

Самое приятное было, что взводный на коварный вопрос толком и не ответил, только наорал на Коня с биноклем за «нездоровое любопытство».

Минуя громоотвод, часовой попытался рассмотреть рисунок, сделанный наверняка по не застывшей ещё бетонной подушке-основанию. К сожалению, при ночном освещении огромной, с голову, дули с подписью: «Твой дембель», толком углядеть не удалось.

«Да-а... Дембель, как говорится, ещё за поворотом и не виден», – думал часовой, сожалея о милой гражданке, потерянной на бесконечные семьсот тридцать дней.

Меж тем Панкратов подшагал уже не к метафорическому, а к настоящему повороту в своей армейской, а конкретно караульной службе. Ведь маршрут движения по посту напоминал равностороннюю букву «Г» с постовыми грибками по её концам и постовой вышкой на повороте. Приближаясь к ней, солдат уже испытывал навязчивую мысль: вдруг на полу вышки, скрытом от часового ёметровыми боковыми стенками, притаился нарушитель, который вот-вот, звериным прыжком, кинется на спину часовому и вонзит ему под лопатку огромный нож. А второй нарушитель таится в окопчике под вышкой!

Стараясь наблюдать и за тёмными кустами у ограждения, часовой бочком подкрался к окопчику. Пусто... Заставить себя подняться на

вышку оказалось сложно. У Панкратова зубы стучали от волнения, когда он осторожно ступал по металлической лестнице.

Опасения, конечно, оказались напрасными, и часовой, на всякий случай, оборвал вьющуюся на внешнем ограждении повитель – дабы не мешала видимости, – а заодно обнаружил, что порыжевшая от дождей и времени «колючка» кое-где перехвачена латками – кусками алюминиевой проволоки.

Тогда Панкратов исследовал и кусок внутреннего ограждения, почти не обнаружив на нём повреждений. В сравнении с многочисленными латками на внешней «колючке» открытие оказалось весьма и весьма неприятным.

«Не может же быть так, что всякая латка – это нарушитель?», – размышлял Панкратов. И тут застыл на месте, вдруг увидев на одном из бетонных столбиков, прямо под стосвечевой лампой, одетой в колпак отражателя, крупное насекомое, трещавшее, словно электросчётчик. Похожее на огромного кузнечика хризолитовое насекомое с просвечивающимися внутренностями стояло на своём постаменте, будто высеченное из драгоценного камня украшение.

«Кузнечики такие здоровые не бывают, – соображал часовой. – Неужели?.. Ну, конечно! Обжора-саранча».

Довольный разгадкой хотя бы одной из маленьких тайн караула, часовой пошёл дальше, вскоре поравнявшись со вторым постовым грибком с табличкой за ним, также обозначающей конец маршрута движения. В шаге от кирпичной дорожки выросло огромное дерево со множеством бесформенных ран на стволе, в которых виднелась восковая древесина.

На всякий случай Панкратов, конечно, обошёл толстенную кавказскую акацию, убедившись, что и за ней не прячется нарушитель, потом проверил – на этот же счёт – последний окопчик, у таблички, и вновь вернулся к мощному дереву. Дотронувшись рукой до прохладного шершавого ствола, кора у которого как бы сбегала вниз отдельными извилистыми струями, часовой несколько секунд недоумевал, кто же эдак, кусками, обглодал дерево, но затем, повинувшись желанию проверить мысль, приподнял автомат и основательно ткнул в ствол острым кончиком штык-ножа. Кусочек коры отслоился, дерево получило ещё одну ранку.

«Вот что! – понял рядовой. – Эдак, стало быть, некоторые часовые отмечают «конец маршрута движения»».

Солдату стало стыдно за свой опыт, он погладил ладонью израненный ствол и потопал назад, в направлении постовой вышки.

На сей раз, пересилив желание, рядовой на вышку не полез, но в окопчик возле неё всё же опять заглянул: пусто...

От переживаемых ли волнений, либо ещё от чего, часовому вдруг нестерпимо захотелось пить, что на посту запрещалось. Панкратов полизал крышку ствольной коробки автомата, пытаясь унять жажду. Металлический привкус немного перебил её. Без дальнейших приключений рядовой добрался до того места, откуда после смены часовых и начал патрулирование.

«Первый блин не комом, – с радостью подумал Панкратов, открывая новый круг маршрута. – Не так страшен чёрт, как его малюют. Да и вообще в этом карауле нападений не было, а если и были когда, так уж никто и не помнит...».

Всё больше успокаиваясь, часовой уже подходил к первому постовому грибку, как тут в темноте кустов за ограждением послышался шорох – вроде бы кто-то завозился в траве, устраиваясь поудобнее. Часовой возбужденно задрожал, его правая рука сама потянулась к затворной раме. С трудом подавив желание выпустить на шорох автоматную очередь, памятуя слова командира роты, сказанные на инструктаже перед заступлением на боевое дежурство, – о недопустимости применения оружия в спешке, коль нет явного нападения, – часовой присел перед ограждением. Шорох в кустах то смолкал, то слышался опять. Панкратову уже казалось, что он различает за «колючкой» очертания тела притаившегося человека. По-рачьи пятаясь, часовой добрался до окопчика, с облегчением ввалился туда и стал думать, насколько рискованно сейчас связываться с караулкой, мишенью выходя под грибок.

Решив, что риск чересчур велик, солдат, не снимая автомата с предохранителя, дёрнул затвором для устрашения неизвестного, копошащегося в кустах, – и с паузой в секунду подал сразу две команды: «Стой!» – и: «Стой, стрелять буду!».

От волнения голос прозвучал сипло и не так громко, как бы этого хотелось Панкратову. А шорох предполагаемого нарушителя сразу стих.

«Что теперь делать? – Мучительно решал часовой. – Он же за ограждением: попробуй-ка удержи... А вдруг у него тоже оружие?».

Раздираемый страхами и подспудным сомнением: есть ли в кустах нарушитель, или?.. – часовой, на всякий случай, снял автомат с предохранителя: так, мол, будет вернее, задержав указательный палец на рукоятке затвора, готовый взвести его и...

В кустах зашелестело опять. Панкратов буравил взглядом

темноту за внешним ограждением. А из неё на кирпичную дорожку выступило что-то округлое, тёмное. Вот уже оно попало в освещаемую лампой зону и... Ба! Да это же всего-навсего ёж! И довольно крупный... И так забавно семенит... Ух!

Панкратов злобно выругался. Столько натерпеться из-за колючего клубка!

Вымахнув из окопчика, часовой подбежал к спешащему животному, собираясь наподдать его сапогом, отомстить за пережитый страх. Услышав шум шагов, ёж разом свернулся, ошетинился иглами. А солдат моментально, так же, как раньше разозлился, успокоился.

«За что его бить? – Рассудил он. – Животина безобидная, полезная. Разве понимает, куда можно, а куда нельзя заползать? Живи, животина!» – И Панкратов только слегка потрогал неподвижного ежа кончиком штык-ножа. Зверёк недовольно хрюкнул...

Минуя постовой грибок, рядовой вновь поймал себя на мысли, что неплохо было бы позвонить начальнику караула, ведь кажется, что с момента заступления на смену уже прошло не менее часа. Но – мы ранее упоминали, что время на посту тянется гораздо дольше, чем обычно. Посему решение часовой принял компромиссное: позвонить, однако с другого постового грибка, а до него ещё нужно было допатрулировать.

Шесть-семь шагов... Остановка, обернуться назад... Ещё пять-шесть шагов... Остановка... Ещё отшагать... Ещё... Место начала движения... Громоотвод... Вышка... Поворот дорожки и ограждения. Подумаешь, велика важность, два часа протопать...

Сам того не замечая, часовой теперь шёл быстрее, нежели в начале смены. С каждым шагом он накапливал уверенность в себе, в своих силах, появилось даже слабенькое желание задержать нарушителя, крепнущее и крепнущее. В мыслях Панкратов теперь перешёл от неоправданного страха к неоправданной смелости, воображая, как из густых кустов выползает здоровенный бородатый мужик, с ножом в одной руке и с дубинкой во второй, но, вовремя заметив опасность, он, часовой, умело задерживает нарушителя, и вот уже едет в краткосрочный отпуск, домой, с какой-нибудь медалью на парадном кителе, а там все удивляются: как это – отслужил всего месяц и уже на Родину героем заявился...

От сих сладких мечтаний Панкратов заулыбался и, выпятив грудь, небрежно сплюнул сквозь зубы, а хватку автомата ослабил...

Утробный кошачий вопль ворвался по барабанным перепонкам в сознание, мгновенно вытеснив из него все грезы. Рядовой вновь

судорожно вцепился в оружие, а ловить нарушителя и ехать на Родину героем в момент расхотелось.

– А ну его к лешему, этот отпуск, – вслух для себя решил солдат. – Тут лишь бы смену до конца нормально «оттащить».

У постового грибка, за израненным штык-ножами деревом, часовой остановился и осмотрелся с особой внимательностью: как же – сейчас он будет представлять отличную мишень!

Не обнаружив ничего подозрительного (к непонятным лёгким шумам, столь смущавшим рядового в самом начале смены, он уже притерпелся), Панкратов переложил автомат в левую руку, ухватив его за цевье, а правой снял с ремешка ножен телефонную трубку, из кармана брюк вытянул соединённый с ней шнур, со штепселем на конце, воткнув его в розетку системы связи. Четырежды надавив на красную кнопку сигнализации, часовой услышал в трубке щелчок и голос:

– Слушаю, начальник караула.

– Докладывает часовой второго поста, третьей смены, – зачастил Панкратов. – На посту всё нормально, без происшествий.

И с чувством вины в голосе поинтересовался временем: оказалось, что с начала смены прошло сорок минут...

Несмотря на ободряющий голос начкара, Панкратов остро ощущал свою незащищённость, неподвижно стоя у телефона, и трубку, после команды «отбой», повесил с облегчением.

Вдруг дала о себе знать свалывшаяся портянка, которую солдат не решался перемотать: не положено...

Завершая второй круг маршрута, рядовой неожиданно задумался над тем, что за трава растёт с обеих сторон кирпичной дорожки – низкая, сплошным ковром тянущаяся почти до ограждений. Такую травку, с узенькими продолговатыми листочками, тянущимися прямо от низа вертикального стебелька, как теперь вспомнил Панкратов, любили склёвывать гуси у бабушки в деревне.

Недалеко от поворота, ближе к речушке, травка с продолговатыми листочками стала перемежаться с высокой и остролистой, колосающей и похожей на пшеницу. Начав приглядываться и к другим кустам и травам, в изобилии произрастающим на посту, часовой сразу распознал некоторые из них: лебеду, осот, репей-дурнишник, кусты лопуха и хрена, крапиву, одуванчик, подорожник, скрывающие тело речушки камыши... Но сколько вокруг оказалось незнакомых растений!

Высокое зонтичное, доходящее до груди и напоминающее укроп, но с иным, резко-неприятным запахом.

Приземистая, мощными кустами гнездящаяся трава, маленькие листочки которой были похожи на ёлочные иголки.

Остролистое небольшое растение, которое Панкратов из неосознанного любопытства даже попробовал на вкус и сразу сплюнул, почувствовав во рту горечь перца.

Какие-то корзиночки, напоминающие подсолнух, но доходящие лишь до пояса, вьющееся растение с голубыми цветками-колокольчиками, своим стеблем оплетающее чужие; несколько видов кустарников: один с белыми, как у сирени, гроздьями цветов, другие с зубчатыми, но разной формы листьями...

Панкратов вырос в райцентре; в деревне, у бабушки, бывал летом, наездами, и, разумеется, никогда особенно ботаникой не интересовался. Так что откуда солдату было знать, что травка, столь любимая гусями, в просторечии так и называется «птичьей гречишкой», а научное её название – спорыш, высокая же и похожая на пшеницу трава – пырей. Что зонтичное с резким запахом – пастернак, трава с листочками, напоминающими ёлочные иголки, – пресловутая амброзия, а горькое на вкус остролистое растение – водный перец, или горец. Что корзинчатая трава – череда, кустарник с мелкими гроздьями белых цветов – ядовитая бирючина, мелкие и чёрные ягоды которой в народе называют волчьим лыком, вьющееся растение с голубыми цветками есть полевой вьюнок и, наконец, кусты с перообразными зубчатыми листьями, соответственно, молодая поросль вяза и ясеня, размножающиеся спорами.

Впрочем, что теперь было часовому до всех этих трав и прочих растений, если теперь, на третьем круге патрулирования, свалившаяся портянка в левом сапоге беспокоила всё сильнее и сильнее.

Панкратов замедлил скорость обхода, раздумывая, как бы эдак перемотать её, ни в чём не нарушая устав, и с неудовольствием вспомнив пункт «не выпускать из рук оружия» из своих общих обязанностей. Да-а, стоя на одной ноге, пожалуй, можно одной рукой стянуть сапог и обёрнутую вокруг ступни и голени фланелевую ткань.

«Но только не намотать, – с сожалением сам себе сказал часовой. – А может, портянку в карман, пока не придёт проверка? Не-е, прибодаются... Терпеть надо...».

Пытаясь хоть как-то отвлечься от ненавистной портянки, рядовой взялся считать шаги от начала до конца своего маршрута. Пройдя туда-обратно в четвёртый раз, подытожил: туда – 254 шага, оттуда – 262.

Решив для точности сосчитать шаги ещё раз, часовой открыл пятый круг маршрута, но не успев дойти и до громоотвода, забыл и думать о проклятой портянке: чья-то тень метнулась за угол хранилища...

До сих пор Панкратов больше смотрел за внешнее ограждение, рассуждая, что из-за внутреннего мало вероятности для нападения. Туда ж ещё через два ряда «колючки» проникнуть надо. И вдруг...

Часовой замер – неужели он просмотрел где-то двойной порыв и преступник уже в глубине охраняемой территории?

Пожалуй, впервые солдат заметил, что хранилища за внутренней линией колючей проволоки освещены весьма скудно: по единственной лампе над дверями. Вон, ремонтирующийся бок вообще еле виден в темноте, разве что склад с оружием и боеприпасами, огороженный дополнительной «колючкой» со всех сторон, хорошо просматривается под прожекторами.

Тень неизвестного вновь вынырнула из-за угла хранилища и тут же спряталась. Похоже было, что человек осматривается на незнакомом месте.

Панкратов засуетился, желая бегом вернуться назад, к постовому грибку, чтобы отсигналить в караулку, и одновременно боясь, сдвинувшись с места, потерять нарушителя.

Тень вынырнула в третий раз, задержалась немного, странно задёргалась и вновь убралась за угол. Спеша проверить догадку, часовой взглянул вверх и вперёд: перед прожектором металась ветвь крупного тополя-осокоря с белым, мертвенным в электрическом свете стволом. Тень ветви и падала временами на угол хранилища.

«Опять чуть не угодил как кур во щи, – с презрением к себе резюмировал часовой. – Сейчас бы поднял панику...».

Не успел рядовой расслабиться и сделать десяток шагов по кирпичам, как по нервам его стегануло звонками из караульного помещения – связь и сигнализацию, в свою очередь, проверял начальник караула, – и Панкратов помчался к постовому грибку, на ходу выдергивая из кармана телефонный шнур...

Следующий круг патрулирования прошёл на редкость бесцветно: разве что вдалеке возник и вновь растворился в ночи звук проезжавшего где-то мотоцикла, какой-то припозднившийся рокер гонял, похоже, на «Яве». А мысли часового обратились к мрачному кусочку гражданских воспоминаний – ранней, нелепой смерти одноклассника, разбившегося на скоростном «Иже».

...Возвращаясь от постовой вышки, солдат скорее угадал, а уж позднее услышал шаги группы людей вдалеке. По всему судя,

это должна была быть проверка несения службы. Однако это ещё бабушка надвое сказала, кто именно мог двигаться на сближение с часовым, а посему он затаился за бетонной подушкой громоотвода и, увидев через полминуты тёмные фигуры людей в полосе света на кирпичной дорожке, подал громкую команду:

– Стой, кто идёт?

– Разводящий! – Услышал Панкратов в ответ.

– Разводящий, ко мне, остальные на месте! – В свою очередь ответил солдат, дождался, пока отделившийся от остальных теней силуэт приблизился на расстояние двадцати-двадцати пяти метров, и прокричал ему: «Осветить лицо!».

В правой руке человека на ходу зажёгся фонарь.

Сразу же Панкратовым овладел безотчётный страх. Кто это? Только не разводящий!

Лицо идущего, несмотря на прерывистую линию горящих ламп над «колючкой», было невозможно угадать: фонарь выхватывал только выпуклости, в первую очередь, нос. На месте глаз зияли тёмные провалы, над головой красовалось что-то бесформенное, с расплывчато-круглым блестящим пятном в центре. В целом лицо походило на ужасную маску, и от окрика: «Стой, стрелять буду!» – часового удержала характерная походка ефрейтора да его знакомый голос.

Ещё шагов пять подходившего – и маска превратилась в привычное лицо «разводного», а блестящее пятно на «чём-то бесформенном» – в звёздочку на пилотке.

– Ты чего молчишь? – Подбодрил часового ефрейтор.

– Остальным продолжать движение! – Прокричал Панкратов, взяв автомат в положение «на ремень».

С проверкой приехал ротный. Спросил о настрое, не случилось ли чего на посту за час. Панкратов рассказал о сове, про ежа из стыда промолчал, зато о своих сомнениях после команды «Осветить лицо!» – постарался распространиться подробнее.

Неожиданно ротный подал вводную: «Нападение на пост справа!».

Оставшись довольным, как бодро часовой шлёпнулся всё за тот же громоотвод, капитан разрешил рядовому перемотать портянку, и на том проверка закончилась.

Когда колонна из трёх человек скрылась из вида часового, ему вдруг до смерти захотелось курить, а сигареты со спичками у приверженцев к табачным изделиям, увы, отбирались ещё перед выходом из караульного помещения – дымить на посту строжайше

встречалось всё тем же уставом...

Весь восьмой круг Панкратов боролся с неутолимим желанием хотя бы одной затяжки, «распечатав» же девятый, чётко осознал, понял, что смертельно хочет спать. Убаюкивало всё: стрекотанье цикад, шум листвы, размеренный ритм патрулирования, даже чередующиеся тёмные и светлые участки кирпичной дорожки, неравномерно освещаемые электролампами.

С усилием размыкая отяжелевшие веки, Панкратов едва удерживал в руках оттягивающий их автомат. Однако накинуть брезентовый его ремень на плечо так и не решился, понимая, что в случае борьбы с нарушителем врукопашную окажется стеснённым в движениях. Зато догадался засунуть рукоятку автомата за поясной ремень и теперь мог время от времени сменять последовательно поддерживающие оружие за цевье затекшие усталые руки.

Так, борясь со сном, часовой вновь доложил в караулку, что у него всё в порядке, а отойдя от постового грибка шагов на пять, запнулся за край выступающего из дорожки кирпича, чуть было не пропахав по его соседям носом.

«Может, постоять, отдохнуть немножко? – боролся солдат с искушением. – Не-е, начкар как говорил: если задремлешь и встанешь – потом сядешь, ну, а сядешь – так заснешь. А сон на посту – преступление... Почти...».

Плетясь мимо постовой вышки, Панкратов сумел выделить в вязких мыслях главную: сон проглотит его и очень скоро.

Мысль испугала, как ожгла. Часовой остановился и с маху, до боли, дважды хлопнул себя ладонью по щеке. Потом подпрыгнул – повыше. Резко помотал головой. Но сон лишь чуточку отступил, готовый навалиться на человека с новыми силами. И тогда солдат сильно куснул правую руку повыше запястья, у манжета «хебе». На коже тёмным эллипсом остался след передних зубов...

«Жалко, что говорить и петь нельзя, – сожалел часовой, минуя израненное дерево. – А как насчет свистеть?».

На середине пути от грибка к вышке Панкратова настиг истерический крик, рвущийся из ближнего хранилища. Сон моментально сгинул. Часовой отпрыгнул со света, присел, направил вперёд дуло автомата. Крик не повторялся, но в хранилище что-то с шумом упало, а затем послышался характерный звук, напоминающий куриное хлопанье крыльями. Часовой со страхом выжидал...

Ещё минута – и из-под дверей хранилища вылез огромный кот, который что-то тащил в зубах. «Голубь!» – Понял Панкратов, и тут на него напал неудержимый приступ гомерического хохота,

который солдату с трудом удалось подавить, но ещё целый круг патрулирования с лица рядового не сходила не соответствующая важности боевой задачи улыбка.

Одиннадцатый круг часовой ознаменовал открытием, что замёрз. От земли, особенно в той части дорожки, которая шла параллельно реке, веяло промозглой сыростью. Панкратов теперь жалел, что не надел шинель, выходя на смену, но, с другой стороны, осознавал и то, что как раз в верхней одежде его бы быстрее мог сморить сон.

«Нет худа без добра, – рассуждал, ежась, часовой. – Сон-то холодом повыбился, а вот закурить бы сейчас – хотя бы изнутри согрелся...».

Рядовой пританцовывал и подпрыгивал, размахивал руками и постукивал подъёмом одной ноги по икрам другой. А немного согревшись, в мыслях вернулся всё к тому же не пойманному нарушителю.

«Конец смены, похоже, недалеко, – соображал солдат. – Сколько страхов пережил – и всё попусту: никого и ничего. Даже и обидно!».

Совсем близко от внешнего ограждения кто-то громко и простуженно заперхал. Скользя внимательнейшим взглядом по кустам за внешним ограждением, силясь раздвинуть темноту взглядом, Панкратов так и пристыл к дорожке, не в состоянии двинуться никуда от страха.

На границе освещённой полосы и тьмы, под кустом сирени, затаился человек со страшным, бледным, уродливым лицом и в светлой одежде.

– Кхе, кхе, – снова заперхал человек, – наверное, долго уже так лежал на сырой земле, присматриваясь к часовому и соображая, как половчее его снять, ну, и простыл немного.

Еле придя в себя, Панкратов отпрыгнул со света – в который раз за смену.

– Стой, кто идёт? – Скомандовал часовой, хотя неизвестный не шёл, а лежал. Страшная личность продолжала перхать.

– Стой, стрелять буду! – Произнес часовой, удивлённый эдакой странной реакцией нарушителя. А уродливый бледнолицый странно покрутил головой, не трогаясь с места. Немигающими глазами разглядывая белеющее лицо, Панкратов судорожно отщёлкнул предохранитель, приготовившись вогнать патрон в патронник, однако шестым чувством угадал очередной подвох караула: перед часовым не человек! – Собака! Собака со светлой шерстью! Да никак это Буржуй!? А кашляет-то...

Швырнув кусочком кирпича в простуженного «нарушителя», часовой с радостью убедился, что из-под сирени, отряхиваясь, выскочил давно прижившийся возле караульного помещения старый пёс.

Щенком забежал он в поисках пропитания в воинскую часть, а обласканный солдатскими руками, посчитал, что сумел ухватить за хвост изменчивое собачье счастье. Пса в самом начале его «действительной» службы называли Дембелем, но, когда ставший на солдатское котловое довольствие и при случае приворовывающий на стороне бывший бродяга наел полукруглые бока, перекрестили в Буржуя.

Было это по меркам собачьей жизни очень и очень давно – одиннадцать лет назад. Освоившийся в части Буржуй быстро избаловался, стал весьма разборчив в еде, особенно полюбив сахар, за кусок которого готов был продать весь караул.

Днями обленившийся пёс обычно дремал где-нибудь в тени, а по ночам, из вредности характера, обожал лазить по постам, пугая часовых, а то и – в зависимости от настроения – наоборот, выбегал впереди проверяющих смену и громким лаем предупреждал бдящего службу.

При первых же признаках дождя Буржуй моментально вбегал на ступеньку перед дверью в караулку, усаживался под бетонным навесом-козырьком и терпеливо ждал. А стоило двери открыться – юркал в помещение для бодрствующей смены и как воспитанный пёс не пятнал лапами все комнаты караулки, а сразу укладывался в ближнем углу, под углекислотным огнетушителем. То было его законное, годами упроченное место...

Затрещав кустами, Буржуй потрусил на другой пост – и там проверить службу. А Панкратов, завершая очередной круг патрулирования, внутренне почувствовал: скоро конец смены.

Казалось бы, никто и ничто не сможет уже удивить часового: ну, разве что настоящий нарушитель... И рядовой понял, что злоумышленник так-таки пролез на пост, когда, проходя мимо ремонтирующегося и неосвещённого хранилища, почти вплотную подступавшего к внутреннему ограждению, услышал громкий шорох на крыше склада. Солдат даже не успел взглянуть наверх, над собой, как уже второй, сумевший зайти в тыл часовому преступник движением руки сбил с него пилотку, – по-видимому, промахнувшись, когда пытался ухватить Панкратова за ворот.

Часовой дал стрекача: не оглядываясь, покрывшись холодной

испаринной и в ужасе ожидая выстрела в спину из какой-нибудь допотопной берданки. На ходу сдернул предохранитель, а упав в готовности к обороне близ постового грибка, уже готов был взвести затвор, но делать этого опять-таки не пришлось.

Вместо группы нарушителей на кирпичной дорожке валялся один-единственный, сдутый сильным порывом ветра с крыши хранилища мешок с остатками цемента...

Завершающий круг маршрута часовой прошёл устало и с чувством исполненного долга. Караул многократно испытывал молодого солдата, доставив ему множество мнимых страхов. Кто знает, кому и когда, в какую смену, через год, два или десять лет выпадет настоящее и серьёзное испытание – борьба с нарушителем или их группой, скорее всего вооруженной и намеревающейся завладеть то ли оружием часового, то ли содержимым одного из воинских складов. Обычному человеку знать будущее не дано... Но быть готовым к любому повороту событий обязывает солдатский долг. А пока...

– Стой, кто идёт? – Подал команду Панкратов, увидев смутные очертания фигур на кирпичной дорожке.

– Разводящий со сменой, – услышал часовой в ответ.

– Разводящий, ко мне, остальные на месте! – В свою очередь ответил волнительно отстоявший смену воин...